

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Я. С. ЛУРЬЕ

Михаил Дмитриевич Приселков — источниковед

Исполнилось двадцать лет со дня смерти выдающегося советского историка-источниковеда, одного из крупнейших исследователей древнерусского летописания — Михаила Дмитриевича Приселкова,

М. Д. Приселков родился в 1881 г., в Петербурге, в семье священника. В 1899—1903 гг. он учился на историко-филологическом факультете Петербургского университета, по окончании которого был оставлен при университете для приготовления к профессорскому званию. Первые печатные работы М. Д. Приселкова относятся к 1903 г., а с 1911 г. в печати появился ряд статей, связанных с темой первой большой работы М. Д. Приселкова, его магистерской диссертации «Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв.», опубликованной в 1913 и защищенной в 1914 г. Уже в этой работе М. Д. Приселкова важнейшую роль играли источники по древнерусской истории и те новые приемы работы над ними, которые были введены в науку А. А. Шахматовым. В последующие годы, преподавая на Бестужевских высших женских курсах, в Психоневрологическом институте и в Университете (с 1907 г. — приват-доцент, с 1917 г. — доцент, с 1918 г. — профессор), М. Д. Приселков пишет ряд исследований источниковедческого характера, среди которых должна быть названа книга «Ханские ярлыки русским митрополитам» (1916), научно-популярная книга «Нестор-летописец» (1923) и ряд статей по истории летописания XII—начала XV в. В этот период М. Д. Приселков начинает большую работу, осуществленную им много лет спустя, — реконструкцию сгоревшей в 1812 г. Троицкой летописи. В 20-х годах М. Д. Приселков ведет и научно-экспозиционную работу в историко-бытовом отделе Русского музея (с 1928 г. он полностью переходит на работу в Музей из Университета); с этой темой связан и ряд его печатных работ.

Новый период научной деятельности М. Д. Приселкова начинается с 1936 г. В эти годы М. Д. Приселков вновь возвращается к работе в Ленинградском университете и к своим исследованиям по истории летописания. За сравнительно короткий период в печати появляется ряд его важнейших работ по древнерусскому летописанию; в 1939 г. была написана и защищена докторская диссертация М. Д. Приселкова «История русского летописания XI—XV вв.» (опубликована в 1940 г.). М. Д. Приселков издает важнейшие труды А. А. Шахматова, оставшиеся до того времени не опубликованными («Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв.»; «Повесть временных лет», ч. II), он выдвигает план второго, поновому построенного издания «Полного собрания русских летописей»¹ и приступает к реализации этого грандиозного плана.

¹ План этот опубликован в книге: С. Н. Валк. Советская археография М.-Л., 1948, стр. 139-141, примечание.

Не менее яркой была педагогическая деятельность М. Д. Приселкова в эти годы. Замечательный преподаватель, бессменный руководитель студенческого научного кружка, Михаил Дмитриевич пользовался единодушной и заслуженной любовью студентов. В этой любви Михаил Дмитриевич имел возможность убедиться 17 июня 1939 г., во время защиты его докторской диссертации; недаром, публикуя свою книгу, он посвятил ее в память об этом дне «Студенчеству исторического факультета Ленинградского государственного университета». В 1940 г. М. Д. Приселков был назначен деканом исторического факультета. Внезапная болезнь и смерть 19 января 1941 г. оборвала научные и педагогические планы М. Д. Приселкова.

Неизменным свойством работ М. Д. Приселкова был их новаторский характер — они постоянно вызвали оживленные дискуссии в научной литературе. Горячие споры вызвала уже его первая книга (магистерская диссертация) «Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв.». Особенно резкими были отзывы двух рецензентов этой книги — А. Королева и В. Завитневича. А. Королев обвинял М. Д. Приселкова в нежелании «считаться с трудами весьма почтенных ученых, которые писали по тем вопросам, которые он разбирает в своей книге», и выражал надежду, что русская наука «не пойдет по тому пути, на который ее приглашает в своей книге г. Приселков». Интерес к книге М. Д. Приселкова был, по мнению А. Королева, вызван «тем, что в наше время переоценки всяких ценностей многим нравится и в науке сокрушение старых теорий и создание новых, как бы последние не были парадоксальны».² Еще энергичнее высказал те же возражения профессор Киевской духовной академии В. Завитневич. Особое возмущение автора вызвало недостаточное знакомство М. Д. Приселкова «с юбилейной литературой, вызванной празднованием 900-летия крещения Руси»; из дальнейших ссылок рецензента выяснялось, что речь идет в основном о его собственной статье «Владимир святой как политический деятель».³ Но главную «соль» труда М. Д. Приселкова В. Завитневич видел не в недооценке юбилейной литературы о крещении Руси, а в приверженности М. Д. Приселкова к исследованиям А. А. Шахматова, к которым сам рецензент относился с нескрываваемой враждебностью. Считая работу М. Д. Приселкова образцом «научного футуризма», В. Завитневич писал: «Такое сочинение только в шутку можно назвать научной диссертацией ... Если бы подобные научные приемы восторжествовали, история навсегда должна была бы отказаться от надежды добыть подлинно научную истину, заменив последнюю бредом досуговой фантазии».⁴

Было бы неверным считать эти рецензии выражением общей оценки труда М. Д. Приселкова, сложившейся в предреволюционной науке, и видеть, таким образом, в молодом исследователе фигуру, одинокую в историографии того времени. Исследователи, несравненно более авторитетные, нежели процитированные рецензенты, — А. А. Шахматов, Е. В. Аничков,⁵ М. С. Грушевский⁶ — оценили книгу М. Д. Приселкова как «превосходный труд», возбуждающий научную мысль и открывающий новые пути в науке. Правда, и они не приняли многих выводов и гипотез автора. Ряд возражений М. Д. Приселкову высказал и А. А. Шахматов, упрекнувший диссертанта в том, что он поставил между своим исследованием и основ-

² ЖМНП. СПб., 1914, № 10, стр. 387—400.

³ Труды Киевской духовной академии, кн. IV. Киев, 1914, стр. 634-635, 639, 645.

⁴ Там же, стр. 651.

⁵ Е. В. Аничков. Новая гипотеза о происхождении русской церкви. — Отклики (приложение к газете «День»). СПб., 1914, № 4.

⁶ Голос минувшего, I. М., 1914, стр. 307—311.

ным его источником — летописью «исследование Шахматова» о древнейшем летописании⁷ и в нескольких местах своей работы даже цитировал летописные тексты по реконструкциям Шахматова.⁸ Значение этих замечаний Шахматова, нередко приводимых в научной литературе,⁹ не следует, однако, на наш взгляд, преувеличивать. Реконструкции древнейших летописных сводов в работах А. А. Шахматова представляли собой наглядное выражение его источниковедческих гипотез, — гипотезы такого рода могут быть изложены и в позитивной форме, и в виде стемм или реконструкций. Как и всякие рабочие гипотезы, гипотезы Шахматова не были, конечно, «вещью в себе», а предназначались для того, чтобы последующие исследователи на них опирались, строя выводы второй степени (подобные выводы, их возможность и соответствие фактическому материалу и являются, как известно, способом проверки рабочей гипотезы). Ссылаясь на шахматовские реконструкции, М. Д. Приселков выражал тем самым согласие с А. А. Шахматовым, признавшим тот или иной текст (из «Повести временных лет», или из Новгородской I летописи) более ранним, восходящим к одному из источников «Повести временных лет»; он мог бы, конечно, сослаться на самый текст, использованный в реконструкции, и на соответствующее место исследования Шахматова, но предпочел данную, более лаконичную форму ссылки. Такая форма построения работы была не очень удачной, ибо она вызывала особенное раздражение у противников шахматовского метода, подобных Завитневичу, и сам А. А. Шахматов считал необходимым ее отвергнуть. Но А. А. Шахматов несколько не сомневался в том, что М. Д. Приселков: «критически анализировал» его предположения (в некоторых случаях он и не соглашался с ними)¹⁰ и уж, конечно, не принимал реконструкций Шахматова за реально дошедшие тексты.

Дальнейшие труды М. Д. Приселкова создали ему огромный авторитет именно в той области, в которой он продолжал труды А. А. Шахматова, — в области истории летописания. В центре внимания М. Д. Приселкова оказывается летописание времени феодальной раздробленности Руси и в особенности летописные своды XIV-начала XV в. Оставаясь в этих работах верным шахматовскому методу привлечения всего относящегося к данной теме летописного материала (методу «больших скобок»), М. Д. Приселков перестраивает, в сущности, всю схему летописания XIII—XV вв., данную А. А. Шахматовым.¹¹ Специально предметом исследования М. Д. Приселкова были Лаврентьевская и сгоревшая в 1812 г. Троицкая летописи. Из числа статей, посвященных Лаврентьевской летописи, следует особо упомянуть небольшую, но чрезвычайно методологически поучительную статью «Формат Летописца 1305 г.» (1928 г.) — под-

⁷ Отчет о магистерском диспуте М. Д. Приселкова. — Научный исторический журнал, т. II, вып. 1 (№ 3). СПб., 1914, стр. 137.

⁸ А. А. Шахматов. Заметки о древнейшей истории русской церковной жизни. — Научный исторический журнал, т. II, вып. 2 (№ 4). СПб., 1914, стр. 45.

⁹ Ср., например: Д. С. Лихачев. 1) Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947, стр. 17; 2) К вопросу о реконструкции древнерусских текстов. — ИА. М., 1957, № 6, стр. 157, 158.

¹⁰ Так, например, М. Д. Приселков возражал А. А. Шахматову, полагавшему, что легенда об Андрее Первозванном читалась уже в Несторовой редакции «Повести временных лет», и убедительно доказывал, что легенда эта связана с династией Мономаха и появилась в редакции Сильвестра [М. Д. Приселков. 1) Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв. СПб., 1913, стр. 160—162; 2) История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, стр. 39—40, 42—43].

¹¹ Перечисление работ М. Д. Приселкова по летописанию, как и всех остальных его трудов, см. ниже в составленном Д. А. Казачковой «Хронологическом списке трудов М. Д. Приселкова» (стр. 476—480).

линный шедевр текстологии. Работа М. Д. Приселкова над Троицкой летописью была завершена монументальным трудом — реконструкцией текста Троицкой летописи, изданной уже после смерти автора. И наконец вся работа над летописанием привела М. Д. Приселкова к созданию «Истории русского летописания XI—XV вв.» – первой в русской историографии работы подобного типа.

Роль М. Д. Приселкова как крупнейшего исследователя русского летописания и идеологической жизни древней Руси в целом не вызывает сомнений – она неоднократно отмечалась в историографии. Однако нам представляется, что значение М. Д. Приселкова как источниковеда все-таки недостаточно оценено в нашей литературе. Недоценка эта обнаружилась, в частности, в той резкой и весьма несправедливой критике, которую встретила последняя изданная при жизни работа М. Д. Приселкова — его статья «Киевское государство второй половины X века по византийским источникам» (к значению этой работы мы еще вернемся ниже). В 1944 г., при переиздании своей «Киевской Руси», Б. Д. Греков счел необходимым вставить в эту книгу несколько замечаний об этой статье М. Д. Приселкова.¹² Иронически заметив, что у М. Д. Приселкова было «свое собственное представление о Древнерусском государстве», Б. Д. Греков писал: «М. Д. Приселков в названной статье ставит своей задачей изучить Древнерусское государство второй половины X века на источниках византийских, исходя из положений, что „Повесть временных лет“ – источник „искусственный и мало надежный“ и что греческие источники в своих данных о Руси якобы „более надежны“. К этим последним он причисляет: 1) договоры с греками, как известно, сообщенные отвергнутой автором „Повестью временных лет“, 2) сочинения Константина Багрянородного, известного русофоба, 3) „Историю“ Льва Диакона, которая о Руси говорит очень мало. Ограничив себя узким кругом источников и а priori признав византийские сведения более достоверными, чем русские, М. Д. Приселков сделал опыт изображения Древнерусского государства столь же смелый, сколь и неубедительный».¹³ К взгляду Б. Д. Грекова присоединился и И. У. Будовниц, также полагавший, что «без всяких к тому оснований М. Д. Приселков отдает предпочтение византийским источникам перед русскими».¹⁴ С этим была связана и общая оценка научной деятельности М. Д. Приселкова, данная в статье И. У. Будовница – единственной в историографии работе, специально посвященной М. Д. Приселкову. Отдавая должное М. Д. Приселкову, как автору первого обобщающего труда по истории русского летописания, как живому и яркому исследователю и прирожденному педагогу, И. У. Будовниц считал, однако, что преувеличение М. Д. Приселковым значения Византии и византийских источников при изучении истории Киевской Руси «обедняет русскую культуру, сводит на нет ее самостоятельность, оригинальность и прогрессивные черты».¹⁵

Замечания, высказанные Б. Д. Грековым и И. У. Будовницем, являются, в сущности, замечаниями не по адресу: ни в упомянутой статье, ни в каких-либо других работах М. Д. Приселков никогда не высказывал приписываемого ему нелепого взгляда, будто византийские сведения как таковые а priori ценнее русских. Если бы он так думал, он действительно

¹² Б. Д. Греков. Киевская Русь, изд. 4-е. М.—Л., 1944, стр. 163. Ср.: Б. Д. Греков. Избранные труды, т. II. М., 1959, стр. 227.

¹³ Б. Д. Греков. Избранные труды, т. II, стр. 227.

¹⁴ И. У. Будовниц. Об исторических построениях М. Д. Приселкова. — ИЗ, т. 35. М., 1950, стр. 229.

¹⁵ Там же, стр. 231.

сразу же натолкнулся бы на отмеченный Б. Д. Грековым факт, который ему был известен не хуже, чем его оппонентам (он отмечал его как раз в отвергнутой Б. Д. Грековым статье), — что договоры с греками, которым он придавал значение первостепенного источника, читаются как раз в составе «Повести временных лет».¹⁶ Мысль, лежащая в основе статьи М. Д. Приселкова, весьма проста и ясна: он указывает, что «Повесть временных лет» составлена в начале XII века; поэтому для изучения истории X века предпочтение должно быть дано не этому относительно позднему памятнику, а источникам X в., как современным.¹⁷ Отвергать эти источники на том основании, что они (кроме договоров с греками) византийского происхождения, было бы по меньшей мере странным: это было бы так же неверно, как отвергать, например, Хронику Конрада Буссова как источник по истории восстания Болотникова, предпочитая ей, скажем, «Историю царя Василия Ивановича Шуйского» Тагищева только потому, что эта последняя отечественного происхождения.

Приведенные примеры критики работ М. Д. Приселкова интересуют нас не сами по себе — к конкретным историческим вопросам, поставленным в трудах М. Д. Приселкова, наша наука будет иметь возможность обратиться еще не раз.¹⁸ Споры и дискуссии, возникшие в связи с трудами М. Д. Приселкова, заслуживают особого внимания потому, что они позволяют разобраться в особенностях его научного метода.

Пытаясь определить характерные черты научного метода М. Д. Приселкова, мы должны сразу же оговорить, что они присущи не только дан-

¹⁶ М. Д. Приселков. Киевское государство второй половины X в. по византийским источникам.—Ученые записки ЛГУ. Л., 1940, № 73, стр. 216—217, 229. М. Д. Приселков знал и принимал во внимание вывод С. П. Обнорского, что договоры с греками были составлены в одно время на греческом и славянском языках (там же, стр. 241).

¹⁷ Там же, стр. 215—217. Заметим, кстати, что в своей статье М. Д. Приселков предлагал не отвергнуть «Повесть временных лет», а проверить ее по более ранним источникам, — задача, чрезвычайно важная именно для исследования летописания.

¹⁸ Мы не останавливаемся здесь, в частности, на вопросе о характеристике так называемого Древнейшего свода 1037 г. — вопросе, привлекавшем внимание исследователей в последние годы. Вслед за А. А. Шахматовым, М. Д. Приселков считал, что Древнейший свод был создан при кафедре грека-митрополита Феопемпта и отражал политические тенденции этой кафедры (ср., например: М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв., стр. 26—29). Многие наблюдения над древнейшим слоем киевского летописания, сделанные советскими исследователями, дают основание сомневаться в правильности шахматовской характеристики Древнейшего свода: против этого говорит, например, фольклорный характер ряда рассказов, отнесенных А. А. Шахматовым к Древнейшему своду, сочувственное изображение летописцем князей-язычников, отсутствие сходства между этими рассказами и греческими хрониками и т. д. [ср.: Д. С. Лихачев: 1) Культура Киевской Руси при Ярославе Мудром. — Исторический журнал. М., 1943, № 7, стр. 29—31; 2) Русские летописи и их культурно-историческое значение, стр. 59—70]. С другой стороны, исследователи, оспаривавшие мнение А. А. Шахматова и М. Д. Приселкова, не дали еще объяснения тому обстоятельству, что в тексте древнейшего летописания, сохраненного «Повестью временных лет», явно обходятся некоторые сюжеты, неприятные для Византии; например, ничего не говорится о подозрительной роли греков в гибели Святослава (о чем сообщают даже византийские авторы), и виновником своей гибели оказывается сам Святослав (ср.: М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв., стр. 27). Но как бы мы ни решали вопрос о составе и тенденциях Древнейшего свода, это не может иметь никакого влияния на общую характеристику древнерусской культуры. Так называемый Древнейший свод представляет собой лишь один из источников (точнее — источник источника) «Повести временных лет»; в числе источников «Повести временных лет» были, несомненно, и греческие хроники; считая этот свод русским сочинением, созданным при кафедре грека-митрополита, М. Д. Приселков ни в какой мере не «обеднял русскую культуру», тем более, что характернейшей чертой «Повести временных лет» и печерского летописания вообще он считал как раз противовизантийскую направленность.

ному исследователю, но и ряду других историков-источниковедов. Однако в научном творчестве М. Д. Приселкова эти черты получили наиболее яркое выражение, и именно поэтому его работы вызывали столь решительные протесты сторонников иных исследовательских приемов.

Основной особенностью научного метода М. Д. Приселкова представляется нам разрушение своеобразной иллюзии «дуализма» исторического знания, очень широко распространенной в нашей науке. Все, что мы знаем о прошлом, мы знаем из источников. В применении к новой истории речь идет о множестве источников самых разнообразных типов, дающих богатую картину данной эпохи. Что же касается средневековой и древней истории, то здесь речь идет часто о пяти, трех, двух, а в некоторых случаях и об одном источнике. Однако большинство людей изучает историю не по источникам, а по связным историческим курсам, и у них (в том числе и у историков, когда они обращаются к исследовательской работе) сохраняется иллюзия исторического знания «вообще», лишь дополняемого темя или иными показаниями источников.

Мы знаем, что Иван IV был Грозным, что князь Курбский бежал от него, прислав к царю Василию Шибанову с укоризненным письмом, что Иван Сусанин заманил поляков в лес и погубил их и т. д. Но откуда мы это знаем? Сколькими и какими источниками это подтверждается? Об этом мы вспоминаем не часто. Многие ли, например, из говорящих и пишущих о подвиге Сусанина думают о том, что наше представление об этом подвиге основывается на единственном источнике — грамоте Михаила Федоровича зятю Сусанина Собинину и всецело зависит от той или иной оценки этого источника? Наши исторические знания кажутся нам обычным суммой показаний, извлеченных из источников, а сплошным потоком «общеизвестных» и менее известных фактов. Древние греки прямо говорили о молве, «фэмэ», продолжающей жить после свершения события; современные люди сохраняют эту «фэмэ» в подсознании.

Именно в этом — корни споров, возникших вокруг работ М. Д. Приселкова о Киевской Руси. Исследователи, возмущавшиеся излишней смелостью гипотез М. Д. Приселкова, представляли дело так, как будто гипотезы эти противостояли какой-то священной, прочно установленной «почтенными учеными» истории этого периода. В действительности же речь идет о периоде, где источников ничтожно мало, иногда просто нет, и никакое решение, кроме гипотетического, невозможно. Еще раз напомним важнейшее положение, особенно подчеркнутое М. Д. Приселковым в его последней работе, но бывшее предпосылкой всех его построений по древнейшей истории Киевской Руси. Имеющаяся в нашем распоряжении древнейшая киевская летопись составлена в начале XII в.; лежащие в ее основе текущие погодные записи стали вестись только в 60-х годах XI в.;¹⁹ до этого времени регулярно и систематически ведущегося летописания не существовало. Составитель «Повести временных лет» не только был отдален от истории X в. на два века, но, за исключением договоров с греками, не имел никаких письменных источников этого времени; он опирался здесь на устную, фольклорную традицию, которую он в основном не мог даже проверить. А к этому надо прибавить еще и тенденциозность летописца и его средневековое, художественно-легендарное отношение к прошлому. Не удивительно, что история Киевской Руси до середины XI в., столь связно и поэтично звучащая в общем курсе, изобилует загадками, «белыми пятнами». В конце X в. происходит «крещение Руси»; первый из-

¹⁹ Ср.: М. Д. Приселков. 1) История русского летописания XI—XV вв., стр. 24; 2) Киевское государство второй половины X в. по византийским источникам, стр. 215.

вестный нам из летописи митрополит появляется лишь в середине XI в. Как же была устроена до этого времени церковная иерархия — эта сложная и обязательная в греко-православной церкви организация? Критикам М. Д. Приселкова казалось излишне смелым предложенное им решение этого вопроса; но они не хотели замечать, что вопрос этот до Приселкова оставался нерешенным и требовал какого-то решения.²⁰ На это обстоятельство справедливо обратил внимание такой тонкий источниковед, как А. Е. Пресняков. Он заметил, что как ни спорна гипотеза М. Д. Приселкова о подчинении русской церкви в конце X—начале XI в. Охридской патриархии, «она, в общем, не больше вызывает сомнений, чем ходячее представление о каких-то „митрополитах" при Владимире, и, несомненно, выросла из прямой научной потребности объяснить темноту известий о ранних русских церковных отношениях».²¹

Еще хуже обстоит дело с историей дохристианской Руси. Где проходили южные границы Киевской Руси в середине X в.? Сколько было договоров между Русью и Византией? Что представляли собой «светлые великие князья и великие бояре» вместе с Игорем, заключавшим договор с Византией? Авторы, осуждавшие М. Д. Приселкова за обращение к византийским источникам X в., не заметили, что только эти источники дали возможность М. Д. Приселкову дать хотя бы гипотетический ответ на вопросы, не разрешенные с помощью одной «Повести временных лет». На основании анализа договоров с греками и показаний Константина Багрянородного М. Д. Приселков с большой убедительностью показал, например, что русские владели в X в. частью Крымского полуострова и Азовское море находилось внутри русской территории.²²

Значение своеобразного источниковедческого «монизма» М. Д. Приселкова становится особенно ясным при конкретном историческом исследовании. Если источник является единственной основой исторического знания, то оценка достоверности того или иного факта всецело зависит от общей оценки источника, который о нем сообщает; желая узнать, достоверен ли данный факт, мы прежде всего должны ответить на вопрос: достоверен ли источник, сообщающий о нем? В своей педагогической работе М. Д. Приселков постоянно выступал против такого отношения к источнику, которое он называл «потребительским»,²³ — когда историк, подходя

²⁰ Любопытно, что гипотеза М. Д. Приселкова о подчинении русской церкви болгарской Охридской патриархии, отвергнутая в 1914 г. всеми его оппонентами, получила затем широкую поддержку в иностранной историографии. Ср., например: Н. K o s c h. Byzanz, Ochrid und Kiev 987-1037. Kyrios, Bd. 3 (1938), стр. 253-292. Обзор литературы вопроса см.: L. M ü l l e r. Zum Problem des hierarchischen Status und der jurisdiktionellen Abhängigkeit der russischen Kirche vor 1039. — Osteuropa und der deutsche Osten, R. III, Bd. 6. Köln-Braunsfeld, 1959, стр. 12-17.

²¹ А. Е. Пресняков. Лекции по русской истории, т. I. Киевская Русь. М., 1938, стр. 112.

²² М. Д. Приселков. Киевское государство второй половины X в. по византийским источникам, стр. 219—223.

²³ Термин «потребительское отношение к источнику» был довольно распространен в исследовательских кругах в 30-х годах; «автор» этого чрезвычайно удачного термина неизвестен. Нам известен лишь один случай употребления этого термина в печати: в 1934 г., при обсуждении работы Б. Д. Грекова «Рабство и феодализм в древней Руси» (первоначальный вариант будущей «Киевской Руси»), известный источниковед С. Н. Чернов определил отношение Б. Д. Грекова к источнику (в частности, к «Повести временных лет») как «в известной мере потребительское»: «Б. Д. имеет перед собой источник и ограничивается тем, что просто потребляет его, совсем не интересуясь тем, как он приготовлен в своем целом и своих частях. В источниках, по которым он изучает рабовладение Киевской Руси, он как бы имеет несколько очень вкусных блюд и спокойно вкушает их, не интересуясь, как эти блюда высокого напряжения приготовлены» (Известия Гос. академии материальной культуры, вып. 86. М.—Л., 1934, стр. 111—112).

к источнику как к своеобразному универсальному магазину, выбирает из него то, что кажется ему вероятным с некоей предвзятой точки зрения. Принципиальным защитником такого «потребительского» отношения к источнику был критик М. Д. Приселкова В. Завитневич. Возражая против источниковедческих приемов М. Д. Приселкова, он противопоставлял им «внутреннюю критику» источника, основанную на понимании историком «духа эпохи»: «Такой осторожный историк, как С. М. Соловьев, даже Иоакимовскую летописью пользовался, когда находил, что сообщаемые ею данные гармонируют с духом эпохи».²⁴

Примеров такого «потребительского» отношения к источнику можно найти в историографии множество, вплоть до нашего времени. Особенно часто объектом такого «потребительского», выборочного использования бывает В. Н. Татищев. «Потребительски» используется рассказ «Казанского летописца» о свержении татарского ига: отбрасывая «легендарные подробности», исследователи оставляют факты, которые им представляются достоверными;²⁵ так же интерпретируется житийный рассказ о Невской битве²⁶ и т. д.

Конечно, в историографии возможно частичное использование того или иного источника — признание одних его известий более достоверными, а других менее достоверными, но очевидно, что такое частичное использование должно вытекать из анализа самого источника, его характера, состава и происхождения. Именно это обстоятельство настойчиво подчеркивал М. Д. Приселков. «Если историк, — указывал он в своей «Истории русского летописания», — не углубляясь в изучение летописных текстов, произвольно выбирает из летописных сводов разных эпох нужные записи, как бы из нарочко для него заготовленного фонда, т. е. не останавливает своего внимания на вопросах, когда, как и почему сложилась данная запись о том или ином факте, то этим он, с одной стороны, обессиливает запас всевозможных наблюдений над данным источником..., а с другой стороны, историк может нередко впасть в то неловкое положение, что воспримет факт неверно...».²⁷

Основным предметом источниковедческих исследований М. Д. Приселкова было (как мы видим и из только что приведенной цитаты) древнерусское летописание. В этом отношении работы его, как он сам многократно указывал, были теснейшим образом связаны с тем коренным переворотом, который произвел в исследовании русского летописания А. А. Шахматов. «Из истории нашей умственной жизни, — писал М. Д. Приселков в 1920 г., — рукою А. А. (Шахматова, — Я. Л.) удален надуманный и пустой образ летописца-монаха, далекого от жизни и мирской суеты. Летописи встают перед нами как памятники страстной политической борьбы, а летописцы являются ее участниками или перьями в руках главнейших политических деятелей ... С другой стороны, мне кажется, А. А. Шахматов безвозвратно похоронил возможность изучать и

²⁴ Труды Киевской духовной академии, кн. IV, стр. 635.

²⁵ Ср., например: К. В. Базилевич. Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV века. М., 1952, стр. 162—163.

²⁶ Ср., например: Очерки истории СССР. Период феодализма IX—XV вв., ч. 1. М., 1953, стр. 842—845. Автор пользуется рассказом Новгородской I летописи младшего извода (Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Под ред. А. Н. Насонова. М.—Л., 1950, стр. 292—294), но произвольно выбирает из него все естественно возможные факты и опускает «чудесные» (явление Пелгусию святых Бориса и Глеба, враги Александра, «избиенные от аггел божиих», и т. д.), не пытаясь анализировать рассказ источниковедчески (ср.: Ю. К. Бегунов. Житие Александра Невского в составе Новгородской I и Софийской I летописи. — Новгородский исторический сборник, вып. 9. Новгород, 1959, стр. 230—233).

²⁷ М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв., стр. 6.

рассказывать о тех эпохах русской истории, о которых говорит летопись,, с прежней легкостью в отношении к этому источнику. Всякий исследователь должен теперь приступать к эпохе через изучение сводов, зародившихся в ту пору, как бы ни была тяжела и трудна эта задача, потому что иначе он во многом не поймет, не сумеет прочесть то, о чем и как говорит летопись».²⁸ Тесно связывая свои исторические построения с филологическими трудами А. А. Шахматова, М. Д. Приселков, однако, с самого начала своей научной деятельности отчетливо осознавал отличие стоящей перед ним задачи от научных задач, стоявших перед его предшественником. Возражая во время своего магистерского диспута С. Ф. Платонову, М. Д. Приселков говорил, что «для А. А. Шахматова текст — цель, для него же самого цель — история».²⁹ Задача перестройки истории всей древней Руси под углом нового подхода к летописанию была поставлена в историографии не А. А. Шахматовым, а М. Д. Приселковым.

Задача эта, на наш взгляд, не потеряла своей актуальности и в наше время; ее никак еще нельзя считать решенной. До сих пор, широко используя летописи, мы еще не учитываем тех специфических тенденций, которые проходят через большинство дошедших до нас летописных сводов и: окрашивают все изложение этих сводов. М. Д. Приселков впервые обратил внимание на то, что традиционная схема, согласно которой политический центр жизни древнерусских княжеств перешел в XII в. из Киева во Владимир, была создана владимирским великокняжеским сводом 1177 г., а из него перешла в более позднее владимирское и московское летописание. «С удивлением видим, — указывал М. Д. Приселков, — что схема эта была принята как основа ученого построения хода русской истории в трудах не только дворянских историков XVIII и первой половины XIX веков, слепо следовавших за изложением поздних московских летописных сводов, но и в трудах буржуазных историков второй половины XIX и начала XX веков. Ключевский, как известно, формулировал эту политическую мысль владимирского сводчика 1177 г. как будто итог своих научных разысканий. . . Однако как для времени своего появления, так и для последующих времен построение владимирского политика и летописателя грешило самым решительным искажением фактов, понятным и простительным для сводчика 1177 г., закрывавшего глаза, в виду страстной борьбы за эту идею, на многие факты, его идее противоречащие, но совершенно непонятым и непростительным для историков, без изучения фактов прошлого, без критики летописных текстов пошедших за этим построением конца XII века».³⁰

Не менее глубокий след оставили в историографии и политические тенденции московского летописания.³¹ До сих пор, говоря о борьбе Москвы за объединение русских земель, о соперничестве московских князей с другими политическими силами Руси, мы в значительной степени опираемся не на действительные факты (которые могут быть установлены лишь путем критического исследования всех доступных источников), а на тенденциозные рассказы московских летописцев. Едва ли это допустимо: признавая прогрессивный характер объединения Северо-Восточной Руси в XV в., мы все же не должны при этом представлять себе это объединение в тех идил-

²⁸ М. Д. Приселков. Русское летописание в трудах А. А. Шахматова. — ИОРЯС. Пгр., 1922, т. XXV, стр. 134. Ср. аналогичное замечание в его более ранней рецензии: на В. Пархоменко: ИОРЯС, т. XIX, кн. 1, СПб., 1914, стр. 368.

²⁹ Научный исторический журнал, т. II, вып. 1 (№ 3). СПб., 1914, стр. 138 (протокольный отчет).

³⁰ М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв., стр. 73.

³¹ Там же, стр. 6, 7, 10, 136—139, 176, 183—186.

лических красках, которыми рисовали его придворные великокняжеские летописцы.

Не получил в нашей исторической науке окончательного разрешения и еще один вопрос, поставленный М. Д. Приселковым, — вопрос об организации и непосредственном назначении летописной работы в древней Руси. Объяснялась ли тенденциозность летописца только его политическими симпатиями, сочувствием той или иной стороне или летописец был официальным историографом той или иной духовной или светской власти? По отношению к большинству летописных сводов М. Д. Приселков во всяком случае склонялся ко второму решению этого вопроса. Летопись была, по его мнению, «политическим документом», причем до середины XV в. она была «документом международного значения»: борясь между собой в Золотой Орде, соперники-князья доказывали перед ханами свои права «летописцами»;³² наличие независимого от великокняжеской власти митрополичьего летописания объяснялось тем, что «митрополия вся Русь» была независима от отдельных (московских, литовских или тверских) великих князей. С середины XV в., после раскола между московской и литовской митрополиями, московские митрополиты попадают в зависимость от московских великих князей; «летописи утрачивают теперь свой былой смысл документа международного характера и становятся документом внутреннего пользования»;³³ именно поэтому официальное митрополичье летописание становится, по мнению М. Д. Приселкова, с середины XV в. невозможным.

Этот последний вывод М. Д. Приселкова вызвал возражения в историографии. А. Н. Насонов, исследовавший ряд летописных сводов конца XV—начала XVI в., обнаружил в них (особенно в летописном своде, лежащем в основе Софийской II—Львовской летописи) явные следы близости и сочувствия к митрополичьей кафедре, и конкретно к митрополиту конца XV в. Геронтию, стоявшему в ряде вопросов в оппозиции к великокняжеской власти. А. Н. Насонов видит в этом факте доказательство существования митрополичьего летописания конца XV в.³⁵

Однако характер этого летописания остается в построении А. Н. Насонова все-таки неясным. Была ли обнаруженная им летопись летописью «промитрополичьей», сочувствующей митрополиту (скажем, летописью какого-то монастыря) или это была официальная летопись митрополита? По-видимому, А. Н. Насонов склоняется ко второй точке зрения — он даже специально доказывает неприменимость к митрополичьему летописанию конца XV в. понятия «неофициального» летописания.³⁶ Но могла ли официальная летопись митрополита, «документ международного значения» — по терминологии М. Д. Приселкова, выступать в конце XV в. со столь резкой и непримиримой враждебностью к московскому великому князю вся Русь, какую мы находим в исследованном А. Н. Насоновым своде? Ведь Геронтий не был уже независимой фигурой «международного значения», как митрополиты до середины XV в.; он был обязан поставлением на престол только великому князю (а не константинопольскому патриарху) и не мог открыто выступать против него. Знал ли великий князь, что писалось в «официальной летописи» его митрополита? Для кого она предназначалась? Для того чтобы считать промитрополичий свод

³² Там же, ст. р. 10.

³³ Там же, стр. 176.

³⁴ Там же, стр. 162—164.

³⁵ А. Н. Насонов. Летописные памятники Тверского княжества. — Известия АН СССР, Отделение гуманитарных наук, М., 1930, № 10, стр. 715—716.

³⁶ А. Н. Насонов. Материалы и исследования по истории русского летописания. — Проблемы источниковедения, т. VI, М., 1958, стр. 269.

конца XV в. «официальной летописью» митрополита, А. Н. Насонову необходимо вновь вернуться к вопросу, поставленному М. Д. Приселковым, но не решенному до конца в нашей науке: о назначении летописи, о той практической и документальной роли, какую играл этот памятник.

Далеко еще не оцененное по достоинству научное наследие М. Д. Приселкова открывает перед нами, как мы видим, целый ряд важнейших вопросов истории древней Руси. Но источниковедческие принципы М. Д. Приселкова имеют значение не только для изучения древней русской истории. Не меньшее значение имеют они и для исторической науки в целом — для решения общих вопросов методологии исторической науки.

На первый взгляд такое утверждение может показаться неожиданным. М. Д. Приселков не был историком-теоретиком; предметом его внимания были конкретные исторические вопросы. Как ученый М. Д. Приселков складывался до революции, под влиянием старой историографической школы, и в первую очередь А. А. Шахматова. Однако с самого начала научной деятельности М. Д. Приселкова его внимание привлекла проблема, имевшая большое методологическое значение, — вопрос о политическом пристрастии летописцев, писавших русскую историю. Представление о тенденциозности некоторых литературных памятников не было вполне чуждо буржуазной науке начала XX в. — уже А. А. Шахматов говорил, как известно, о том, что «рукой летописца управляли политические страсти и мирские интересы».³⁷ Однако зависимость писателя от «мирских интересов» воспринималась историками и особенно литературоведами как досадное и лишь спорадически (обычно во время «смутных времен») возникающее явление. Представление о политических тенденциях как о своеобразном недостатке, присущем лишь некоторым писателям, сохраняется в западном буржуазном литературоведении до сих пор. Большой заслугой М. Д. Приселкова уже в ранних его работах было то обстоятельство, что он взглянул на тенденциозность литературных и государственных деятелей древней Руси как на явление нормальное, не заключающее в себе ничего, нравственно унижающего этих людей: Нестор был, по его представлению, последовательным сторонником политики князя Святослава и вместе с тем крупнейшим писателем своего времени.³⁸ Посвятив почти всю свою научную деятельность летописи как историческому источнику, М. Д. Приселков пришел к представлению о политической тенденциозности как характерном и типичном свойстве исторического источника.

Это положение имеет важнейшее значение для формирования того нового, материалистического источниковедения, которое сейчас, на наших глазах, складывается как важнейшая основа марксистской, материалистической историографии. Проблемы источниковедения не сразу привлекли внимание историков-марксистов. Очень характерно в этом отношении предисловие М. Н. Покровского и Н. М. Никольского к их четырехтомной «Истории России»: «Мы не стремимся ни к каким открытиям ни в области фактов, ни в деле освещения отдельных, специальных научных проблем...», — писали авторы. — Мы собираемся брать целиком у других, у исследователей первоисточников их материал и отказываемся заранее от всяких претензий на оригинальность в этом случае ... Материал, собранный историками-идеалистами, нам приходится обрабатывать с материалистической

од
точки зрения.

Легко понять опасность такого разрыва между собиранием материала

³⁷ А. А. Шахматов. Повесть временных лет. Пгр., 1916, стр. XVI.

³⁸ М. Д. Приселков. Нестор летописец. Пгр., 1923, стр. 87—94, 108—112.

³⁹ М. Н. Покровский (при участии Н. М. Никольского и В. Н. Сторожкева). Русская история. М., б. г., стр. 5—6.

и установлением точки зрения на него. «Исследователи первоисточников», на труды которых опирались М. Н. Покровский и Н. М. Никольский, были идеалистами не только в своих общеисторических взглядах, но и в отношении к источникам. Вопрос о политической тенденциозности источников (а тем более о их классовой тенденциозности) почти не ставился в работах этих авторов. Именно поэтому исследователи XIX—начала XX в., как это показал М. Д. Приселков, с полным доверием восприняли тенденциозные построения владимирских и московских летописцев. Пересмотр основных положений старой историографии неизбежно должен начинаться с пересмотра ее источниковедческой базы.

Задача эта только сейчас, в наше время, начинает занимать подобающее место в науке. В последние годы историки все шире обращаются к новым, неопубликованным или источниковедчески не исследованным материалам, публикуют эти источники, подвергают их археографическому и текстологическому исследованию. Все большее место в советской науке занимают вопросы истории идеологии: к этому вопросу обращаются в одинаковой степени и литературоведы, и историки. Среди этих вопросов большое, особенно важное место занимают вопросы исследования политических и идеологических движений угнетенных классов. Сложность исследования таких движений заключается прежде всего в том, что они известны нам почти исключительно по враждебным им источникам: рассказам и сообщениям представителей господствующего класса. В связи с этим источниковедческие вопросы, и конкретно вопрос о возможностях и путях использования враждебно-тенденциозных источников, оказываются в центре внимания советских историков и литературоведов.

Проблемы источниковедения имеют особое значение для нашей исторической науки. Историческому материализму совершенно чуждо то весьма популярное на Западе представление, согласно которому история и вообще гуманитарные науки принципиально отличны от естественных наук и для них нет понятий научной точности. Как ни несовершенны наши исторические знания сегодня, как ни далеки мы еще от точных и естественных наук, основной задачей истории, как и всякой науки, остается исследование объективной истины, установление закономерностей развития человеческого общества. А с этим связано требование строжайшей научной точности нашей науки, абсолютная недопустимость всякого субъективизма, всякого «априоризма» в истории. «Потребительский» метод в источниковедении, непримиримым противником которого был М. Д. Приселков, тем и опасен, что он дает возможность получить в результате исследования заранее заданный исследователем результат. Никакая теория, даже самая убедительная, не может заменить источник при установлении конкретных исторических фактов: «всякая теория, — как указывал В. И. Ленин, — в лучшем случае лишь намечает основное, общее, лишь *приближается* к схватыванию сложности жизни».⁴⁰ Задача историка заключается не в том, чтобы, исходя из общих положений материалистического понимания истории, навязывать источнику свое, предвзятое решение конкретных исторических вопросов, а в том, чтобы взглянуть на самый источник с материалистической точки зрения, уметь увидеть историческую истину сквозь классовую и политическую тенденцию источника.

Материалистическое понимание истории начинается с материалистического источниковедения. В создании такого источниковедения работы крупнейшего исследователя источников, последовательного источниковедческого «мониста» М. Д. Приселкова сохраняют непреходящее значение.

⁴⁰

В. И. Ленин. Сочинения, изд. 4-е, т. 24, стр. 26.

Д. А. КАЗАЧКОВА

Хронологический список трудов Михаила Дмитриевича Приселкова

1903

1. Александро-Невская лавра при Петре Великом (к предстоящему двухсотлетию Петербурга). — Странник. Пгр., 1903, т. IV, стр. 569—597; т. VI, стр. 16—30.
2. Описание архива Александро-Невской лавры за время царствования императора Петра Великого, т. I, 1713—1716. СПб., 1903, стр. 91—93.

Описано дело № 43, 1713 г.

1911

3. Александр I. — В кн.: Русская энциклопедия под ред. С. П. Адрианова, Э. Д. Гримма и др. СПб., 1911, т. I, стр. 207—211.
Подпись «М. П.».
4. Андрей Апостол. — В кн.: Русская энциклопедия под ред. С. П. Адрианова, Э. Д. Гримма и др. СПб., 1911, т. I, стр. 359—360.
Подпись «М. Пр.».
5. Антоний Печерский. — В кн.: Русская энциклопедия под ред. С. П. Адрианова, Э. Д. Гримма и др. СПб., 1911, т. I, стр. 402.
6. Митрополит Иларион, в схиме Никон, как борец за независимую русскую Церковь. — В кн.: Сергею Федоровичу Платонову ученики, друзья и почитатели. СПб., 1911, стр. 188—201.
7. Описание архива Александро-Невской лавры за время царствования императора^А Петра Великого, т. 2, 1717—1719 годы. СПб., 1911.

Во вступлении в качестве одного из составителей упомянут М. Д. Приселков.

1912

8. Борис и Глеб Владимировичи. — В кн.: Русская энциклопедия под ред. С. П. Адрианова, Э. Д. Гримма и др. СПб., [1912], т. II, стр. 178.
9. Памяти А. П. Воронова. — Педагогический сборник при Главном управлении военно-учебных заведений. СПб., 1912, т. VI, стр. 697—700.
Некролог.
10. Памяти Е. Е. Голубинского. (Умер 7 янв. 1912 г.). — ИОРЯС. М., 1912, т. XVII, кн. 2, стр. 145—155.
Речь, произнесенная на XLIX заседании 29 февраля 1912 г. в Секции русской истории Исторического общества при СПб. университете, посвященном памяти Е. Е. Голубинского.

Рецензии

11. Н. П. Покатило. Практическое руководство для начинающего преподавателя истории. — Педагогический сборник при Главном управлении военно-учебных заведений. СПб., 1912, т. III, стр. 405—411.
12. Римские древности. Пособие для гимназий и самообразования. Обработано Г. Зоргенфрея и К. Тюлелиева. Изд. М. О. Вольф. СПб., 1910. — Педагогический сборник при Главном управлении военно-учебных заведений. СПб., 1912, т. I, стр. 122—123.

1913

13. Афон в начальной истории Киево-Печерского монастыря. (Памяти незабвенного Е. Е. Голубинского). — ИОРЯС, М., 1913, т. XVII, кн. 4, стр. 186—197.

Доклад, читанный в Историческом обществе при Петербургском университете 18 января 1912 г. На стр. 186 — упоминание доклада «Так называемое крещение Руси при св. Владимире»

14. Владимир Мономах. — В кн.: Русская энциклопедия под ред. С. П. Адрианова, Э. Д. Гримма и др. СПб., [1913], т. IV, стр. 256—257.
 15. Владимир Святославич. — В кн.: Русская энциклопедия под ред. С. П. Адрианова, Э. Д. Гримма и др. СПб., [1913], т. IV, стр. 257—259.
 16. Голубинский Е. Е. — В кн.: Русская энциклопедия под ред. С. П. Адрианова, Э. Д. Гримма и др. СПб., [1913], т. VI, стр. 49.
 17. Очерки церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв. СПб., 1913. 414 страниц.

Рец.:

- Аничков Е. В. Новая гипотеза о происхождении русской церкви. — Отклики (приложение к газете «День»). СПб., 1914, № 4.
 Вернадский Г. В. — Русская мысль. М., 1914, кн. 1, стр. 3—4.
 Грушевский М. С. Голос минувшего. СПб., 1914, т. I, стр. 307—311.
 Грушевский М. С. — Украша. Кит, 1914, кн. 1, стр. 115—120.
 Завитневич В. — Труды имп. Киевской духовной академии. Киев, 1914, кн. IV, стр. 628—651.
 Королев А. В. — ЖМНП. СПб., 1914, № 10, стр. 387—400.
 О. К. — Современник. СПб., 1914, кн. 3, стр. 118.
 Пархоменко В. А. В какой мере было тенденциозно несохранившееся древнейшее «житие Антония Печерского» (по поводу новой книги г. Приселкова). — ИОРЯС. СПб., 1914, т. XIX, кн. I, стр. 237—241.
 Пархоменко В. А. Три момента начальной истории русского христианства: Игорь «Старый», Владимир Святой и Ярослав Мудрый (по поводу нового исследования М. Д. Приселкова). — ИОРЯС. СПб., 1913, т. XVIII, кн. IV, стр. 371—380.
 Титлинов В. К вопросу о начальной истории христианства на Руси. — Христианское чтение. СПб., 1913, ч. 240, стр. 1447—1470.
 Харлампович К. В. — Вестник образования и воспитания. Научно-педагогический журнал при Казанском учебном округе, 1914, т. I, стр. 409—418 и отд. отт. 9 стр.
 Харлампович К. В. Широков А. А. Русско-греческие церковные отношения домонгольского периода при свете новейших теорий (М. Приселков и В. Пархоменко). 605 стр. — Ученые записки Казанского университета, кн. XI. Казань, 1915, стр. 17—21. (Отд. отт.).
 Отзыв проф. Харламповича на неопубликованную работу студента А. А. Широкова.
 ИТ ахматов А. А. Заметки о древнейшей истории русской церковной жизни. — Научно-исторический журнал, т. II. СПб., 1914, № 4, стр. 30—61.

1914*Рецензии*

18. Вл. Пархоменко. Начало христианства Руси. Очерк из истории Руси IX—X вв. Полтава, 1913 г. — ИОРЯС. СПб., 1914, т. XIX, кн. 1, стр. 358—369 и отд. отт. 12 стр.

1915

19. Киево-Печерская лавра. — В кн.: Русская энциклопедия, под ред. С. П. Адрианова, Э. Д. Гримма и др. СПб., [1915], т. X, стр. 121—122.
 20. Русская история. Учебная книга для VII—VIII классов мужских гимназий и VII классов реальных училищ. М., 1915. 258 стр. Изд. 2-е: М., 1917. 258 стр.

1916

21. Отрывки В. Н. Бенешевича по истории русской церкви XIV в. (посвящается В. Н. Бенешевичу). — ИОРЯС. СПб., 1916, т. XXI, кн. 1, стр. 48—70.
 Публикация и комментарии. Совместно с М. Р. Фасмером.
 22. Ханские ярлыки русским митрополитам. Пгр., 1916, 116 стр.

1918

23. Н. Ф. Каптерев (8 июля 1847—31 декабря 1917). — Русский исторический журнал. Пгр., 1918, кн. 5, стр. 311—322.

Некролог.

24. Митрополит Макарий (Булгаков) и его «История русской церкви» (1816-1916). — Русский исторический журнал. Пгр., 1918, кн. 5, стр. 177-196.

1920

25. Русская история. — В кн.: Введение в науку. История. Изд. «Наука и школа» Пгр., 1920, вып. 1, стр. 77—78.

Редактирование

26. Введение в науку. История. Изд. «Наука и школа», Пгр., 1920, вып. 1, 79 стр.; вып. 6, 128 стр.; вып. 10, 99 стр.; вып. 13, 39 стр.

Совместно с С. А. Жебелевым и Л. П. Карсавиным.

1922

27. Летописание XIV в. — В кн.: Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову. Изд. «Огни», Пгр., 1922, стр. 24—39.

28. Памяти А. А. Шахматова. — ИОРЯС. Пгр., т. XXV, 1922, стр. 91—93.

Вступительное слово декана факультета общественных наук Петроградского университета.

29. Русское летописание в трудах А. А. Шахматова. — ИОРЯС Пгр 1922, т. XXV, стр. 128—135.

Редактирование

30. Введение в науку. История. Изд. «Наука и школа», Пгр., 1922, вып. 7, 112 стр.; вып. 8, 120 стр.; вып. 14, 167 стр.; вып. 16, 122 стр.; вып. 22, 122 стр.

Совместно с С. А. Жебелевым и Л. П. Карсавиным.

1923

31. Борьба двух мировоззрений. — В кн.: Россия и Запад. Исторический сборник, т. I. Под ред. А. И. Заозерского. Изд. «Асайегша», Пгр., 1923, стр. 36—56.

32. Нестор летописец. Опыт историко-литературной характеристики. Изд. Брок гауза—Эфрона, Пгр., 1923, 113 стр. (Образы человечества).

Предисловие от редактора Ив. Гревс.

Рец.:

Бугославский С. — Печать и революция. М., 1923, кн. 6, стр. 175.

Заозерский А. И. — В кн.: Века. Исторический сборник, т. I. Пгр., 1924

стр. 178.

Кареев Н. — Педагогическая мысль. Пгр., 1923, № 3, стр. 78.

Рецензии

33. В. М. Истрин. Очерк истории древнерусской литературы домосковского периода (XI—XIII вв.). Изд. «Наука и школа», Пгр., 1922, 248 стр. — В кн.: Россия и Запад. Исторический сборник, т. I. Под ред. А. И. Заозерского. Пгр., 1923, стр. 198—201.

Редактирование

34. Введение в науку. История. Изд. «Наука и школа», Пгр., 1923, вып. 9, 143 стр.

Совместно с С. А. Жебелевым и Б. Я. Владимирцевым.

1924

35. Летописец 1305 года. — В кн.: Века. Исторический сборник, т. I. Под ред. А. И. Заозерского и М. Д. Приселкова. Пгр., 1924, стр. 28—35.

Редактирование

36. Века. Исторический сборник, т. I. Изд. «Наука и школа», Пб., 1924, 198 стр.-

Совместно с А. И. Заозерским.

1925

37. Купеческий бытовой портрет XVIII—XIX вв. Первая отчетная выставка историко-бытового отдела Русского музея по работе над экспозицией «Труд и капитал на кануне революции». Изд. Гос. Русского музея, Л., 1925, 47 стр. с илл.

38. Русский быт первой четверти XVIII в. Изд. Гос. Русского музея, Л., 1925^7 стр. с илл.

1926

39. Историко-бытовые музеи. Задачи построения, экспозиция. Изд. историко-бытового отдела Гос. Русского музея, Л., 1926, 17 стр. с илл.

1927

40. Шведенно-руське літописаши в стародавньому суздальському літописанші XII—XIII вв. — В кн.: Збірник Історично-філологічного відділу Укр. АН, № 51. Кшв, 1927, стр. 447—461. (Юбілейн. збірн. на пошану акад. Д. И. Багалія).

41. Труд и быт крепостных (XVIII—XIX вв.). Выставка историко-бытового отдела Гос. Русского музея в фонтанном доме. Изд. Гос. Русского музея, Л., 1927, 8 стр.

1928

42. Гардероб вельможи конца XVIII—начала XIX в. — Записки историко-бытового отдела Гос. Русского музея, Л., 1928, т. I, стр. 95—118.

43. Формат «Летописца» 1305 года. — В кн.: Сборник статей в честь акад. А. И. Соболевского. Под ред. В. Н. Перетца. Изд. АН СССР, Л., 1928, стр. 167—172. (СОРЯС, т. С1, № 3. Статьи по славянской филологии и русской словесности).

Статья написана в 1926 г.

1936

44. Ленинград (1703—1861). — В кн.: Большая советская энциклопедия, изд. 1-е. М., 1936, т. 36, стр. 517—524.

1938

45. Курс русской палеографии. Изд. сектора заочного обучения ЛГУ, Л., 1938, 40 стр.

Литографированное издание.

46. От редактора. — В кн.: А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. Изд. АН СССР, М.—Л., 1938, стр. 4—8.

47. Слово о полку Игореве как исторический источник. — Историк-марксист. М., 1938, кн. 6, стр. 112—133.

Редактирование

48. А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. Изд. АН СССР, М.—Л., 1938. 372 стр.

1939

49. История рукописи Лаврентьевской летописи и ее изданий. — Ученые записки Ленинградского гос. педагогического института им. А. И. Герцена. Кафедра истории СССР, т. XIX. Л., 1939, стр. 175—197.

50. Киевское государство во второй половине X в. по византийским источникам. — В кн.: 120 лет Ленинградского государственного университета. Научная сессия, посвященная 120-летию годовщине со дня основания университета (1819—1939). 16—20 апреля 1939 г. Тезисы докладов. Изд. Университета, Л., 1939, стр. 91—92.

51. Лаврентьевская летопись (история текста). — Ученые записки ЛГУ, № 32. Серия исторических наук. Л., 1939, вып. 2, стр. 76—142.

52. О реконструкции текста Троицкой летописи 1408 г., сгоревшей в Москве в 1812 году. — Ученые записки Ленинградского гос. педагогического института им. А. И. Герцена, т. XIX. Л., 1939, стр. 5—42.

53. Русско-византийские отношения в IX—XII вв. — Вестник древней истории. М., 1939, № 3, стр. 98—109.

Рецензии

54. Правда Русская, т. I. Тексты. Институт истории АН СССР. Подготовили к изданию В. П. Любимов, Н. Ф. Лавров, М. Н. Тихомиров, Г. Л. Геерманс и Г. Е. Кочин. Под ред. Б. Д. Грекова. — Вестник древней истории. М., 1939, № 3, стр. 148—151.

1940

55. История русского летописания XI—XV вв. Изд. ЛГУ, Л., 1940, 188 стр.

56. От редактора. — В кн.: А. А. Шахматов. Повесть временных лет и ее источники. ТОДРЛ, т. IV. М.—Л., 1940, стр. 9—10.

Редактирование

57. А. Шахматов. Повесть временных лет и ее источники. — ТОДРЛ, т. IV. М.—Л., 1940, стр. 9—150.

1941

58. Исторический обзор.—В кн.: История русской литературы, т. I. Под ред. А. С. Орлова, В. П. Адриановой-Перетц, Н. К. Гудзия. Изд. АН СССР, М.-Л., 1941, стр. 3-24.

Введение, глава I, § 1.

59. Киевское государство второй половины X в. по византийским источникам. — Ученые записки ЛГУ, № 73. Серия исторических наук. Л., 1941, вып. 8, стр. 213-246.

60. Летописание западной Украины и Белоруссии. — Ученые записки ЛГУ, № 67. Серия исторических наук. Л., 1941, вып. 7, стр. 5—24.

1945*Рецензии*

61. Задачи и пути дальнейшего изучения Русской Правды. По поводу выхода академической Правды Русской под ред. акад. Б. Д. Грекова. — ИЗ, т. 16. М., 1945, стр. 238-250.

Посмертное издание. Рецензия написана в 1940 г.

1950

62. Троицкая летопись. Реконструкция текста. Отв. ред. К. Н. Сербина. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950. 515 стр.

Посмертное издание.

Реу-:

Пашуто В. Т. —ВИ. М., 1950, № 11, стр. 145—148.

Сомах Б. Б. — Ученые записки Кабардинского гос. педагогического института, вып. 3. Нальчик, 1951, стр. 243—251.

Тихомиров М. Н. — Советская книга М., 1951, № 1, стр. 73—74.

Ловмянский Г. О новых советских изданиях русских летописей (М. Д. Приселков. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.—Л., 1950 и др.). — КлуагЫшк Ызлосц2пу. ^агз2ауа, 1953, госг. 40, № 3, стр. 233—242.

(На польском языке).

ПРЕДИСЛОВИЕ

Михаил Дмитриевич Приселков родился 7 сентября 1881 г. в Петербурге в семье протоиерея (Пантелеимоновской, впоследствии Владимирской церкви).

Юность М. Д. Приселкова была нелегкой. «Имущественное положение семьи было таково, что я начал работать (давать „уроки“) с пятого класса гимназии, т. е. с 14 лет», — отметил Михаил Дмитриевич в своей автобиографии, написанной в 1935-1936 гг.¹

В 1899 г. М. Д. Приселков окончил 3-ю Петербургскую гимназию и в том же году поступил на историко-филологический факультет университета; в 1903 г. был «оставлен по кафедре русской истории» (т. е., как мы теперь говорим, принят в аспирантуру). Довольно рано он начал преподавать в среднем учебном заведении (I Кадетском корпусе), с 1907 г. стал читать лекции и вести практические занятия в качестве приват-доцента университета. Но путь его к магистерской степени оказался довольно сложным. Если бы он защитил диссертацию на кафедре русской истории, то рассчитывать на дальнейшую работу в университете было бы трудно. Заведовавший кафедрой С. Ф. Платонов предпочитал иметь на кафедре своих непосредственных учеников. Поэтому М. Д. Приселков в 1907 г. счел более разумным готовить свою магистерскую диссертацию при кафедре истории русской церкви, которую возглавлял профессор И. Д. Андреев. Одновременно он стал преподавателем в Психоневрологическом институте, основанном В. М. Бехтеревым, и на Высших женских курсах — в двух наиболее либеральных учебных заведениях Петербурга.

Этому выбору места работы соответствовали, по-видимому, и политические взгляды молодого историка. Уже в 1905 г. он сблизился с ученым, который официально не считался его научным руководителем, но фактически стал на всю жизнь учителем и наставником — Алексеем Александровичем Шахматовым. Переписка между ними во все предреволюционные годы была систематической, хотя и не очень обильной: ведь они жили в одном городе, и писал

¹ СПб. филиал Архива РАН, ф. 133, оп. 1, ед. хр. 554, л. 38-40 об.

Лишь год спустя, в ноябре 1913 г., Николай Приселков был восстановлен в университете.

Письма Шахматову за последующие годы посвящены преимущественно академическим темам или договоренностям о визитах к Шахматову — обычно не в одиночку, а вместе с еще двумя из «трех мушкетеров», как они себя именовали, — В. Н. Бенешевичем и М. Р. Фасмером.⁶

Готовилась публикация книги, которая должна была стать магистерской диссертацией М. Д. Приселкова: «Очерки церковно-политической истории Киевской Руси X-XII вв.», но автор чувствовал себя далеко не спокойно. «История моей книги — моя история в Университете. Кто я? Русские историки считают меня историком русской церкви (как будто это что-то совсем особое!), историки церкви — русским историком. Я не хочу судить, кто прав, кто ошибается, но я хочу надеяться, что среди членов факультета я в Вашем лице найду поддержку своей смелости — заниматься наукой, против которой поставлены рогатки Университетского устава...», — писал он в начале 1913 г. А. А. Шахматову.⁷

19 января 1914 г. состоялась защита магистерской диссертации М. Д. Приселкова. Она оказалась чрезвычайно бурной. На диспуте выступали 7 человек — все они оспаривали многие тезисы исследования, что, впрочем, не помешало присуждению ученой степени и аплодисментам: в те времена спорность исследования считалась его достоинством. Основным предметом спора было предположение М. Д. Приселкова, что до назначения первого русского митрополита Феопемпта в 1037 г. русская церковь подчинялась болгарской Охридской епархии. Диссертант настаивал на том, что гипотетичность построений не является специфической особенностью его работы, «так как и прежде исследования в этой области должны были прибегать к помощи гипотез».⁸ В сущности, основным предметом спора был вопрос о том, должен ли ученый при установлении исторических фактов основываться всецело на исследованиях источников или же ему следует в равной мере опираться на труды «весьма почтенных историков, которые писали по тем вопросам, которые он разбирает в своей книге». Выступивший на диспуте и опубликовавший рецензию на книгу Приселкова А. Королев объяснял интерес к этой книге «тем, что в наше время переоценки всяких ценностей многим нравится в науке сокрушение старых теорий и создание новых, как бы последние ни были парадоксальны».⁹ Профессор Киевской Духовной академии В. Завитневич, резко возражавший не только против работы Приселкова, но и про-

⁶ Плодом совместного труда «трех мушкетеров» была статья М. Д. Приселкова «Отрывки В. П. Бенешевича по русской истории», посвященная В. Н. Бенешевичу и написанная совместно с М. Р. Фасмером (ИОРЯС. 1916. Т. 21, кн. 1).

⁷ СПб. филиал Архива РАН, ф. 134, оп. 3, ед. хр. 1237, письмо 5 января 1913 г.

⁸ Отчет о магистерском диспуте М. Д. Приселкова // Научный исторический журнал (СПб.). 1914. Т. 2, вып. 1 (№ 3). С. 133-137. Подробнее об этом диспуте см.: Лурье Я. С. Михаил Дмитриевич Приселков — источниковед // ТОДРЛ. М.; Л., 1962. Т. 18. С. 465-466. Ср. также: Вернадский Г. В. Из воспоминаний // Вопр. истории. 1995. № 1. С. 139-140.

⁹ ЖМНП. 1914. № 10. С. 387-400.

тив исследований Шахматова, объявил работу Приселкова образцом «научного футуризма».¹⁰

Бурные дебаты в ходе диспута не изменили основного направления работ М. Д. Приселкова. После защиты диссертации он обратился к теме, заняться которой ему посоветовал Шахматов: ханские ярлыки русским митрополитам, включенные в русское летописание XVI в. Работу эту он посвятил «Алексею Александровичу Шахматову в знак глубокого уважения и живой благодарности».¹¹

В 1915 г. Приселков, в течение ряда лет преподававший в средних учебных заведениях, выпустил учебную книгу по русской истории для VII-VIII классов мужских гимназий и VII классов реальных училищ, в 1917 г. она была переиздана.¹² Среди рукописей М. Д. Приселкова сохранилось и введение к этой истории, предназначавшееся, очевидно, для нового (третьего) издания, но неопубликованное. Введение это весьма характерно для определения позиции автора: «Что такое история? Наша родина – Россия – раскинулась по всей восточной Европе и всей северной Азии до берегов Тихого океана. Население России многочисленно и разноплеменно... Вся эта большая земля и все это большое население составляют единое свободное государство. Т. е. население нашей земли – и мужчины и женщины – подчиняются общим законам (или правилам). Законы эти составляют сами граждане через своих выборных. Выборные решают законы по большинству голосов, и эти решения считаются волей всего народа...».¹³ Формула «свободное государство», указание на «выборных» представителей народа как на единственную форму власти, полное отсутствие упоминания о царе дают основание предполагать, что введение это было составлено, скорее всего, после Февральской революции и отражало настроения весны-лета 1917 г., характерные для той левой интеллигенции, к которой принадлежал М. Д. Приселков. Непосредственная реакция М. Д. Приселкова на Октябрьскую революцию нигде не засвидетельствована, но ее нетрудно себе представить. Осенью 1917 г. и в начале 1918 г. он участвовал в Соборе православной церкви – в качестве представителя кафедры истории церкви университета.¹⁴

Февральская революция привела к восстановлению университетской автономии, существовавшей в 1905-1911 гг., Октябрь не сразу покончил с нею. С 1917 г. М. Д. Приселков – доцент, с 1919 г. – профессор университета, в последующие годы при существовавшей еще (до середины 20-х годов) выборности университетской администрации он стал секретарем, а потом деканом факультета общественных наук (ФОН), в состав которого вошли прежние

¹⁰ Труды Киевской духовной академии. Киев, 1914. Кн. 4. С. 634-651.

¹¹ Приселков М. Д. Ханские ярлыки русским митрополитам. Пг., 1916.

¹² Приселков М. Д. Русская история: Учебная книга для VII-VIII классов мужских гимназий и VII классов реальных училищ. М., 1915; 2-е изд. М., 1917.

¹³ СПб. филиал Архива РАН, ф. 1060 (М. Д. Приселкова), оп. 1, ед. хр. 17.

¹⁴ ЦГИА СПб., ф. 14, оп. 1, ед. хр. 9788, № 39, л. 62-69. См.: Священный собор Православной Российской церкви. Деяния. М., 1918. Кн. 1. С. 84, 116, 469.

историко-филологический и юридический факультеты университета и Психоневрологического института.¹⁵

Но жизнь в Петрограде, где Приселков (в отличие от ряда профессоров Петербургского университета, переехавших в Самару) оставался все эти годы, отнюдь не была благополучной. Свирепствовал голод. В 1920 г. в возрасте 56 лет скоропостижно скончался А. А. Шахматов. На заседании, посвященном его памяти, М. Д. Приселков произнес вступительное слово как декан факультета общественных наук; он же сделал доклад о русском летописании в трудах Шахматова. В 1922 г., наряду со сборником «Известия отделения русского языка и словесности», посвященным Шахматову и вышедшим лишь через два года после его смерти, Приселков опубликовал и свою первую работу, специально посвященную летописанию, – «Летописание XIV в.». В 1923 г. вышла в свет научно-популярная книга Приселкова «Нестор-летописец», а в 1924 и 1927 гг. – его статьи о «Летописце 1305 г.» (оригинале Лаврентьевской летописи) и об отражении южнорусского летописания в суздальском летописании XII-XIII вв. (на украинском языке). Уже в статье 1922 г. Приселков говорил о поставленной им задаче – реконструировать текст сгоревшей в 1812 г. Троицкой летописи – и «ряде положительных результатов», полученных при решении этой задачи.¹⁶ Об этой же работе как о подготовленной к печати в 1924 г. упоминалось и в списке работ, составленном М. Д. Приселковым в 1927 г. В этом же списке и в отзыве на неопубликованную статью М. Н. Тихомирова о летописце начала XVI в. из Уваровского собрания (изданном впоследствии как «Московский свод конца XV в.») Приселков писал и о подготовленном им труде «История русского летописания XI-XV вв.» (о котором он докладывал 23-30 апреля 1925 г. в Обществе древней письменности и искусства), а также о предполагавшейся публикации (совместно с А. Е. Пресняковым) неизданного труда Шахматова «Обзор русских летописных сводов XIV-XVI вв.» и Радзивилловской летописи.¹⁷

Однако все эти планы остались неосуществленными. Положение М. Д. Приселкова, как и других представителей университетской профессуры, было очень трудным. Еще в 1921 г., в связи с болезнью жены, М. Д. Приселков просил Комиссию по улучшению быта ученых (КУБУ) о содействии, предлагая в обеспечение этой помощи продать имеющуюся у него мебель; однако КУБУ отказала ему в этой просьбе.¹⁸ Новое руководство университета Приселкову явно не доверяло. Ему могли ставить в вину и участие в Соборе православной церкви, избравшем патриарха Тихона, и кадетское прошлое. В 1922 г., по воспоминаниям Д. С. Лихачева, поступившего в университет год спустя, при выборах университетской админи-

¹⁵ ЦГИА СПб., ф. 14, оп. 1, ед. хр. 97-98, № 39, л. 76, 105, 109, 111-111 об.

¹⁶ Приселков М. Д. Летописание XIV в. // Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову. Пг., 1922. с. 25-26.

¹⁷ СПб. филиал Архива РАН, ф. 133, оп. 1а, ед. хр. 54, л. 1-8 об.; ЦГИА СПб., ф. 14, оп. 1, ед. хр. 9788, № 39, л. 88-88 об., 112-117 об.

¹⁸ ЦГИА СПб., ф. 14, оп. 1, ед. хр. 9788, № 39, л. 79-81.

страции (едва ли не последних, проведенных тайным голосованием) Приселков был избран по «кадетскому списку».¹⁹ Это не предвещало ничего хорошего. В 1927 г. Приселков был исключен из состава преподавателей факультета языка и материальной культуры (ямфака, как стал теперь называться ФОН). Он обратился с жалобой в Наркомпрос, но на запрос Главного ученого совета Наркомпроса (В. П. Волгин) руководство ямфака (Н. С. Державин, Я. Пальвадере) ответило, что учебный план выполняется «утвержденным штатным составом преподавателей, и профессор Приселков М. Д. остался без поручений со стороны Цикла и Деканата».²⁰ «Меня с 1-го ноября уволили из ямфака», – писал в начале следующего года Приселков академику Н. К. Никольскому. При вновь начавшейся в конце 20-х годов инфляции существовала система перевода части ученых на так называемое «золотое обеспечение», но Приселков не надеялся его получить, ибо «из историков дают охотно только марксистам».²¹ Следовательно, по официальным взглядам того времени, представитель «академической профессуры» М. Д. Приселков к «марксистам» заведомо не причислялся. В 1929 г., в связи с двадцатипятилетием работы в университете (с 1903 г.), М. Д. Приселков получил небольшую «академическую пенсию» и совсем ушел из своей alma mater, перейдя на работу в историко-этнографический отдел Русского музея.²²

Но впереди его ждали еще более тяжелые испытания. В конце 1929 — первой половине 1930 г. полномочным представительством ОГПУ в Ленинградском военном округе «по подозрению в проведении активной антисоветской деятельности и участии в контрреволюционной организации была арестована большая группа ведущих ученых историков различных научных и учебных заведений Ленинграда» (так называемое «дело Платонова–Тарле»), и в их числе М. Д. Приселков. Он был арестован по сфабрикованному ОГПУ делу «Всенародного союза борьбы за возрождение свободной России». Приселков был включен следователями во «вторую группу» обвиняемых (86 человек), дело которых разбиралось отдельно от первой, «руководящей группы» (С. Ф. Платонов, Е. В. Тарле, Н. П. Лихачев, Н. В. Измайлов, М. К. Любавский). Приселков вместе с А. И. Заозерским, А. Н. Шебуниным и другими обвинялся в том, что по поручению «Всенародного союза» он создавал «нелегальные кружки, в которых готовились кадры антисоветских научных работников и будущих членов» этой организации.

Постановлением тройки ПП ОГПУ в ЛВО от 10 февраля 1931 г. М. Д. Приселков был «осужден к 10 годам лишения свободы в ИТЛ». Речь идет о наиболее известном тогда «исправительно-трудовом лагере» – «Соловецком лагере особого назначения» (СЛОН). О пребы-

¹⁹ Лихачев Д. С. Беседы прежних лет // Наше наследие. 1993. № 26. С. 45.

²⁰ ЦГИА СПб., ф. 14, оп. 1, ед. хр. 9788, № 39, л. 91-93.

²¹ СПб. филиал Архива РАН, ф. 247 (Н. К. Никольского), оп. 1, ед. хр. 329.

²² ЦГИА СПб., ф. 14, оп. 1, ед. хр. 9788, № 39, л. 106-107, 127. О работе в музее см.: л. 101, 109-110.

вании там вспоминал и сам М. Д. Приселков, и люди, встречавшиеся с ним в заключении. Более молодые ученые-ленинградцы советовали ему работать в существовавшем тогда на Соловках музее, но М. Д. Приселков предпочел работу счетовода. «Я попал за занятия историей и больше ею заниматься не буду», – вспоминает Д. С. Лихачев ответ Приселкова на предложение работать в музее.²³

Постановлением тройки ПП ОГПУ в Л ВО от 15 декабря 1931 г. заключение в ИТЛ было заменено высылкой в Западно-Сибирский край сроком на пять лет с определением на жительство в Новосибирске.

Постановлением Коллегии ОГПУ от 21 августа 1932 г. на основании постановления Президиума ЦИК СССР от 14 августа 1932 г. (ходатайство прокурора РСФСР Н. В. Крыленко) эта мера была заменена лишением права проживания в 12 пунктах (крупных промышленных городах) на оставшийся срок. М. Д. Приселков выбрал город Галич.²⁴ Работал он там бухгалтером. И октября 1934 г. его старый друг, один из «трех мушкетеров» 10-х годов, В. Н. Бенешевич обратился к директору Литературного музея, старому большевику В. Д. Бонч-Бруевичу с таким ходатайством: «Обращаюсь к Вам с просьбой за давно и хорошо мне знакомого человека проф. Мих. Дмитр. Приселкова не потому только, что питаю к нему дружеские чувства, а потому, что в лице его погибает для науки человек в своем роде единственный. Значение его можно кратко и лучше всего выразить так: он продолжает работу А. А. Шахматова над летописями и он же единственный, кто мог бы подготовить к изданию оставшееся после Шахматова в рукописи грандиозное исследование о летописях. Не говорю уже о том, что М. Д. талантливейший и исследователь, и излагатель своих исследований, и человек, беззаветно преданный научной работе. Преступлений за ним столько же, сколько и за мной, и такие же, но он уже отбыл наказание и находится теперь на вольной ссылке в Галиче Костр [омской] губ[ернии].

Сердечно прошу Вас ради интересов возрождающейся историч[еской] науки не отказать в Вашем ходатайстве о разрешении М. Д. Приселкову вернуться в Л[енин]гр[ад]». ²⁵ Возможно, что это ходатайство возымело действие. Постановлением ЦИК СССР от 17 декабря 1935 г. Приселков был освобожден от ссылки и вернулся в Ленинград.²⁶

После возвращения в родной город Присадков оказался в еще более трудном положении, чем до ареста. Об этом он снова писал

²³ Лихачев Д. С. Беседы прежних лет. С. 58. Ср.: Лихачев Д. С. Беседы прежних лет // Наше наследие. 1993. № 27. С. 45.

²⁴ Сведения о датах ареста и постановлений тройки ПП ОГПУ содержатся в справке, выданной Управлением КГБ СССР по Ленинградской области 4 октября 1989 г. (№ 10/28-Л-2924) в ответ на запрос Ленинградского отделения Археографической комиссии. Ср.: Академическое дело 1929 - 1931 гг. СПб., 1993. Выш. 1. с. VII-VIII

²⁵ ОР РГБ, ф 369, карт. № 239, ед. хр. 9, л. 32. Благодарю И. П. Медведева, собиравшего мне об этом письме.

²⁶ Ср.: СПб. филиал Архива РАН, ф. 133, оп. 1, ед. хр. 554, л. 40-40 об.

Н. К. Никольскому: «После долгих лет испытаний я вернулся в Ленинград, получил паспорт и Президиум ЦИК'а дал мне реабилитацию. Думал, что по приезду я смогу получить себе какую-нибудь работу для заработка и вернуться к своей исследовательской работе. Но не тут-то было!.. Сейчас я сижу на выборках слов и за написанием карточек для Словаря для И[нститута] я[зыка] и м[ышления] (картотека, легшая в основу ныне публикуемого «Словаря русского языка XI-XVII вв.». – Я. Л.). Но заработок определяется такой ничтожной суммой, что не оправдывает даже личного моего существования. Суровая у меня вышла старость!..»²⁷

Неожиданно ситуация изменилась. В 1934-1935 гг., в связи с восстановлением отмененного в начале 30-х годов преподавания истории в вузах, в университете открылся исторический факультет, Патентованные «марксисты», о которых в 1928 г. писал Приселков Никольскому и которые работали главным образом в таких учреждениях, как Ленинградское отделение Коммунистической академии (ЛОКА) и Гос. Академия истории материальной культуры (ГАИМК), потеряли теперь свое монопольное положение. Ограничить преподавательский состав кадрами конца 20-х—начала 30-х годов было невозможно. Наряду с профессорами, работавшими в предшествующие годы в ГАИМК и ЛОКА – С. И. Ковалевым, В. В. Струве, Б. Д. Грековым, и их учениками – И. И. Смирновым, В. В. Мавродиным, К. М. Колобовой и другими, к преподаванию были привлечены те, кто до того времени находился в опале. Это были Е. В. Тарле, вернувшийся из ссылки, И. М. Гревс, О. А. Добиаш-Рождественская, а также вынужденные еще недавно работать вне университета С. Н. Валк, С. Н. Чернов, С. Я. Лурье, Н. Ф. Лавров. М. Д. Приселков, естественно, оказался среди тех, кто был возвращен в историческую науку.

В какой-то мере положение этих возвращенных в университет опальных ученых оказалось более прочным, чем положение той профессуры, которая считалась до того времени сугубо «марксистской». Деятели ЛОКА и ГАИМК в ряде случаев оказывались «неблагонадежными» как старые партийцы, связанные с оппозицией или подозреваемые в таких связях. За короткое время были арестованы три сменявших друг друга декана исторического факультета – Зайдель, Дрезен и Дубровский, ряд профессоров – деятелей ГАИМК. Представителям старой профессуры еще недавно (сразу после убийства Кирова в 1934 г.) грозили высылки, которым подвергались дворяне и прочие «классово чуждые элементы», но в 1937-1938 гг. эта кампания отошла на второй план. Что касается Приселкова, то помощник декана исторического факультета Черницкий, игравший при бесконечно сменявшихся деканах едва ли не важнейшую роль на истфаке, попытался во время одного из политических занятий (посвященных главным образом разговорам о разоблаченных «врагах народа») его «прощупать». Он спросил его, за что тот был репрессирован. «Вы знаете, – сказал со своей обычной учтивостью Михаил

²⁷ СПб. филиал Архива РАН, ф. 247, оп. 3, ед. хр. 329, письмо 6 февраля 1936 г

Дмитриевич, — я и сам этим интересовался, когда меня освобождали из ссылки. Но мне ответили: „А вам, профессор, этого и знать не нужно...“. Этот почти швейковский ответ совершенно ошеломил Черницкого, но заняться дальнейшим расследованием дела ему не пришлось: некоторое время спустя он сам был арестован, да еще весьма эффектно — пришедшие за ним чекисты провели его через вестибюль истфака под револьвером, направленным в спину.

М. Д. Приселков вел практические занятия по истории СССР у первокурсников, занятия по палеографии и специальный курс по истории русского летописания — курс, которого до него никто не читал.²⁸ Прирожденный преподаватель, он был весьма популярен среди студентов. 17 июня 1939 г. М. Д. Приселков представил в качестве докторской диссертации свою «Историю русского летописания XI-XV вв.», и защита ее прошла блестяще. «Был 17-го на диспуте Приселкова („История русского летописания“). Прекрасный диспут!.., — писал С. А. Жебелев своему собрату по Академии наук Д. М. Петрушевскому. — Настоящее торжество науки, какого давно не был свидетелем. Вот кого — Приселкова — нужно продвигать в академики. Но, конечно, не продвинут..».²⁹

Восторженной была реакция студентов, устроивших М. Д. Приселкову настоящую овацию. Издав год спустя «Историю русского летописания», М. Д. Приселков посвятил ее «Студенчеству Исторического Факультета Ленинградского Государственного Университета», проставив дату защиты диссертации — «17 июня 1939 г.». Однако бурное выражение чувств студентов далеко не всем понравилось. Почти в те же дни происходила защита докторской диссертации Н. А. Корнатовского, читавшего — очень скучно, в манере диктовки — последний раздел курса истории СССР (с 1917 г.), и лектор по марксизму-ленинизму обратился с заявлением в партком, отмечая нездоровые настроения в студенческой среде: восторженное отношение к бывшему репрессированному и прохладное — к несгибаемому большевику.

Вообще вполне благополучным считать свое положение М. Д. Приселков никак не мог. Вопреки формулировке, употребленной им в письме к Н. К. Никольскому, официально реабилитирован он не был. Никакого иммунитета от арестов представители старой профессуры не имели. Именно тогда был арестован, а в начале 1938 г. расстрелян В. Н. Бенешевич.

Как вел себя Приселков в эти годы? Конечно, он ни на минуту не мог чувствовать себя в безопасности и был очень осторожен; это подтверждают обязательные для того времени ссылки на «Краткий курс» и подобные тексты. Но сломлен он не был. С ним не случилось того,

²⁸ В 1929 г., уже после перехода в Русский музей из университета, М. Д. Приселков писал декану ямфака, что лишен возможности выполнять возложенное на него «поручение по чтению курса „Истории русского летописания“ в текущем учебном году» (ЦГИА СПб., ф. 14, оп. 1, ед. хр. 9788, № 39, л. 120), но читал ли он этот курс в предшествующие годы или только предполагал его читать, неизвестно.

²⁹ Архив РАН, ф. 493, оп. 3, д. 78, л. 67, письмо 20 июня 1939 г. Сведениями об этом письме я обязан любезности Б. С. Кагановича.

что произошло, по всей видимости, с его старшим учеником и ближайшим последователем – Арсением Николаевичем Насоновым. Насонов пережил Приселкова на целую четверть века (умер в 1965 г.) и больше кого бы то ни было сделал для продолжения основного дела Приселкова – изучения летописания. Но те, кто имел с ним дело, не могли не ощущать необычность его поведения. Было ли это следствием его ареста в 1930 г. и гибели в лагере его сестры в последующие годы или же особенностью его характера, но вне своей работы Арсений Николаевич постоянно обнаруживал желание замкнуться в себе. Приселков, напротив, был веселым, оживленным и охотно общался с коллегами и учениками. Энергия и работоспособность его были поразительными: казалось, что пружина, насильственно сжатая в 1930 г., теперь распрямилась, и он спешил продолжить все начатое и наверстать все упущенное за даром пропавшие годы. Мы не знаем, что представляла собой «История русского летописания», о которой Приселков писал в 1927 г., и в какой степени была завершена к 1930 г. реконструкция Троицкой летописи. Никаких следов этих работ не сохранилось — очевидно, они погибли при аресте. Во всяком случае те рукописи обеих работ, которые дошли до нас (многое пропало во время блокады Ленинграда), относятся к 1936-1940 гг. Издательская же деятельность Приселкова охватывает всего три года – с 1938 по 1940 г. За это время он издал, кроме своей «Истории летописания»³⁰ и ряда статей об отдельных летописях, важнейшие труды А. А. Шахматова – «Обозрение русских летописных сводов XIV-XVI вв.» (1938; издание этой книги, как мы знаем, предполагалось еще в 1927 г.) и второй том другого шахматовского труда – «Повесть временных лет»,³¹ завершил реконструкцию Троицкой и в основном научное издание Радзивилловской³² летописей, напечатал более десяти статей. В 1940 г. он согласился, несмотря на огромную занятость наукой и преподаванием, взять на себя обязанности заведующего кафедрой истории СССР (Б. Д. Греков переехал в Москву) и декана исторического факультета.

Но внезапно все это оборвалось. В конце 1940 г. на шее у него образовалась огромная опухоль; она оказалась злокачественной; пришлось лечь в больницу. По странной иронии судьбы именно тогда, 18 января 1941 г., университет обратился в Комиссию по частным амнистиям ЦИК СССР с ходатайством о снятии судимости с профессора Приселкова. Но рассмотреть дело не успели – 19 января 1941 г. М. Д. Приселков умер. Реабилитирован он был посмертно – в 1953 г.³³

* * *

Едва ли в рамках данного предисловия можно охарактеризовать основные научные труды М. Д. Приселкова. В молодости он считал главной темой своих занятий церковно-политическую историю древ-

³⁰ Приселков М. Д. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940 (далее ссылки на эту книгу даются по настоящему изданию).

³¹ ТОДРЛ. М.; Л., 1940. Т. 4.

³² ПСРЛ. Л., 1938. Т. 38.

³³ См. справку Управления КГБ от 14 октября 1989 г. № 10/28-Л-2924.

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ 1/1995

Г. В. Вернадский **Из воспоминаний**

Из других, живших тогда в Петербурге русских историков (не бывавших ни у Платонова, ни у Лаппо-Данилевского), я ближе всего познакомился с Михаилом Дмитриевичем Приселковым, занимавшимся историей русского летописания и русской церкви Киевского периода. Приселков был талантливый историк с большим чутьем к подноготной исторических источников, но иногда слишком смелый в своих гипотезах. Его магистерская диссертация «Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси» вышла в свет в 1913 году. Защищал он ее уже в 1914 году. Я присутствовал на диспуте в публике. Диспут был очень интересен и прошел довольно бурно. Главным оппонентом Приселкова был один из его учителей А. А. Шахматов, автор «Разысканий о составе древнейших летописных сводов», основоположного труда для нового подхода к исследованию русского летописания. В этой защите Шахматов дал свою реконструкцию многих летописных текстов.

На диспуте Шахматов, признавая в общем ценность книги Приселкова, довольно резко возражал против некоторых его толкований и выводов.

– Помилуйте, Алексей Александрович, – возопил Приселков, – да это же я из вашей реконструкции летописных текстов взял.

В публике раздался смех.

– А вот этого вы и не должны были делать,— убежденно ответил Шахматов.— Вы должны были исходить из текста как он сохранился в рукописях. А затем уже критически рассмотреть мои выводы и или подкрепить их вашими собственными соображениями и тогда принять, или же отвергнуть.

После официальных оппонентов говорило несколько человек из публики. Один из них, византинист Безобразов, резко осудил книгу Приселкова и назвал его методы «гибельными для науки». Факультет большинством голосов присудил Приселкову степень магистра русской истории.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ФИЛИАЛ

М. Д. ПРИСЕЛКОВ

**ИСТОРИЯ
РУССКОГО
ЛЕТОПИСАНИЯ
XI-XV вв.**

Подготовлено к печати В. Г. ВОИНОЙ

С.-ПЕТЕРБУРГ
1996

М. Д. Приселков, История русского летописания XI—XV вв.

С.-Петербург 1996

Я. С. Лурье, Предисловие, 28

Издание летописей под именем «сводов» приводит к множеству недоразумений. Мало кто различает, например, Московскую летопись, доведенную до 7000 (конца 1492) г. и изданную М. Н. Тихомировым под названием «Московский свод конца XV в.», и Московский свод 1479 (1480) г. – протограф Архивской (так называемой Ростовской) летописи, текст которого, обнаруженный А. А. Шахматовым в списке XVIII в. (РНБ ОР, Эрмитажное собр., № 416^б), до сих пор не издан. Как различить свод 1518 г. – протограф Софийской II и Львовской летописей и «Летописный свод 1518 г.» – доведенную до 1518 г. редакцию совсем иной по своему составу летописи, изданную под таким названием в 28-м томе ПСРЛ?

МАТЕРИАЛИ

За Присьолков

19 января 1914 г. состоялась защита магистерской диссертации М. Д. Приселкова. Она оказалась чрезвычайно бурной. На диспуте выступали 7 человек – все они оспаривали многие тезисы исследования, что, впрочем, не помешало присуждению ученой степени и аплодисментам: в те времена спорность исследования считалась его достоинством. Основным предметом спора было предположение М. Д. Приселкова, что до назначения первого русского митрополита Феопемпта в 1037 г. русская церковь подчинялась болгарской Охридской епархии. Диссертант настаивал на том, что гипотетичность построений не является специфической особенностью его работы, «так как и прежде исследования в этой области должны были прибегать к помощи гипотез».⁸ В сущности, основным предметом спора был вопрос о том, должен ли ученый при установлении исторических фактов основываться всецело на исследованиях источников или же ему следует в равной мере опираться на труды «весьма почтенных историков, которые писали по тем вопросам, которые он разбирает в своей книге». Выступивший на диспуте и опубликовавший рецензию на книгу Приселкова А. Королев объяснял интерес к этой книге «тем, что в наше время переоценки всяких ценностей многим нравится в науке сокрушение старых теорий и создание новых, как бы последние ни были парадоксальны».⁹ Профессор Киевской Духовной академии В. Завитневич, резко возражавший не только против работы Приселкова, но и против исследований Шахматова, объявил работу Приселкова образцом «научного футуризма»¹⁰.

⁸ Отчет о магистерском диспуте М. Д. Приселкова // Научный исторический журнал (СПб.). 1914. Т. 2, вып. 1 (№ 3). с. 133-137. Подробнее об этом диспуте см.: *Лурье Я. С.* Михаил Дмитриевич Приселков – источниковед // ТОДРЛ. М.; Л., 1962. Т. 18. с. 465-466. Ср. также: *Вернадский Г. В.* Из воспоминаний // Вопр. истории. 1995. № 1. с. 139-140.

⁹ ЖМНП. 1914. № 10. с. 387-400.

¹⁰ Труды Киевской духовной академии. Киев, 1914. Кн. 4. с. 634-651.

...Помощник декана исторического факультета Черницкий, игравший при бесконечно сменявшихся деканах едва ли не важнейшую роль на истфаке, попытался во время одного из политических занятий (посвященных главным образом разговорам о разоблаченных «врагах народа») его «прощупать». Он спросил его, за что тот был репрессирован. «Вы знаете, – сказал со своей обычной учтивостью Михаил Дмитриевич, – я и сам этим интересовался, когда меня освобождали из ссылки. Но мне ответили: „А вам, профессор, этого и знать не нужно...“». Этот почти швейковский ответ совершенно ошеломил Черницкого, но заняться дальнейшим исследованием дела ему не пришлось: некоторое время спустя он сам был арестован, да еще весьма эффектно – пришедшие за ним чекисты провели его через вестибюль истфака под револьвером, направленным в спину.